

А. С. Балаховская
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия,
a.balakhovskaya@gmail.com

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ В «ЛАВСАИКЕ» ПАЛЛАДИЯ ЕЛЕНОПОЛЬСКОГО

Статья посвящена анализу использования библейского текста в произведении позднеантичной агиографии «Лавсаик» Палладия Еленопольского, созданном в 420 году и представляющем собой собрание кратких жизнеописаний египетских и палестинских подвижников. В исследовании отмечается, что Палладий Еленопольский обращается к тексту Священного Писания в нескольких случаях: во-первых, библейский текст служит для него подтверждением истинности высказанных мыслей, во-вторых, библейские слова являются для автора «строительным материалом» и становятся в повествовании его собственными словами, в-третьих, Священное Писание служит для поиска аналогий и выстраивания параллелей между библейской реальностью и реальностью жизни современного автору монашества, в-четвертых, слова Библии выступают для автора в качестве пророчеств, исполнившихся в жизни современных ему аскетов. Автор исследования приходит к выводу, что в произведении Палладия Еленопольского библейский нарратив тесно переплетается с аскетическим опытом древнехристианского монашества.

Ключевые слова: Библия, позднеантичная агиография, типология, пророчество, библейский нарратив.

Alexandra S. Balakhovskaya
A. M. Gorky Institute of World Literature, RAS, Moscow, Russia.
a.balakhovskaya@gmail.com

Holy Scripture in Palladius of Helenopolis' *Lausiac History*

The paper analyzes the use of the biblical text in the *Lausiac History*, a late antique hagiographic work by Palladius of Helenopolis. The *Lausiac History* is a collection of biographies of the Egyptian and Palestinian monasticism, written in 420. In this work, Palladius of Helenopolis refers to the text of the Holy Scripture in several cases: firstly, the biblical text confirms the truth of his thoughts, secondly, the biblical words are 'building material' for the author and become his own words in the narrative, thirdly, with the help of the Holy Scripture, he is searching for analogies and is building parallels between biblical reality and the reality of the life of contemporary monasticism, fourthly, the words of the Bible

serve for the author as prophecies that were fulfilled in the life of contemporary ascetics. Thus, in the work of Palladius of Helenopolis, the biblical narrative is closely intertwined with the ascetic experience of ancient Christian monasticism.

Keywords: Bible, late antique hagiography, typology, prophecy, biblical narrative.

Священное Писание — неотъемлемая часть любого агиографического произведения. Оно является его основой и руководящей нитью, пронизывающей все повествование. Связь агиографического сочинения со Священным Писанием обусловлена самим характером агиографического нарратива, задачей которого является демонстрация торжества христианской веры в жизни святых.

Существует точка зрения, что обращение к библейским текстам в агиографической литературе обусловлено, во-первых, необходимостью изображения духовного состояния героя и объяснения его поступков, и, во-вторых, стремлением просветить простых верующих, которые сами не имели возможности обратиться к тексту Библии (Sadykov 2022: 91). Без сомнения, оба названные фактора справедливы, однако существуют более глубокие причины присутствия Священного Писания в агиографических текстах.

По словам В. М. Лурье, Священное Писание следует рассматривать как «агиографический субстрат», «информационный код для трансляции определенного смысла» (Lougié 2009: 56), на уровне которого осуществляется преемство агиографии с новозаветной и ветхозаветной традициями (Lougié 2009: 68). Именно это обстоятельство является причиной того, что Священное Писание как эксплицитно, так и имплицитно присутствует в любом произведении агиографии.

Подобно В. М. Лурье, на имманентную связь агиографического повествования и библейского текста указывает и Д. Крюгер. Он говорит о том, что для агиографического нарратива характерно типологическое изображение событий, которое включает в себя «чтение истории и конструирование повествований в свете соотношений между событиями в мире и событиями в Библии, таким образом включая мир в священный текст» (Krueger 2004:17).

Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы рассмотреть, какую роль Священное Писание играет в сочинении Палладия Еленопольского «Лавсаик», памятнике христианской агиографии, представляющем собой большой интерес и как источник по истории древнего монашества, и как образчик жанра позднеантичной коллективной биографии. Это произведение, написанное епископом Палладием в 420 г. и посвященное препозиту Лавсу, представляет собой коллекцию коротких повествований о святых, сведения о которых автор получал во время паломнического путешествия по монастырям Египта и Палестины либо при личном общении, либо через других подвижников (Butler 1898:3).

По замечанию Ю. О. Минец, в «Лавсаике» насчитывается девяносто три обращения к библейскому тексту (Mines 2010: 90). Исследовательница подразделяет все случаи обращения Палладия к Писанию на дословные библейские цитаты, на адаптированные цитаты, то есть на свободное цитирование Писания, и на библейские ссылки, когда автор не повторяет дословно цитаты, а отсылает к ней, используя сравнения и обращаясь к различным библейским образам и мотивам (Mines 2010: 88).

Один из наиболее частых случаев обращения Палладия Еленопольского к тексту Священного Писания — это подтверждение высказанной мысли ссылкой на библейский авторитет. Таких примеров встречается в «Лавсаике» множество. В качестве одного из них можно привести слова из рассказа «Об Иоанне Ликопольском», которые Палладий вложил в уста своему герою.

Герой повествования подвижник Иоанн Ликопольский, основываясь на цитате из Евангелия от Луки, назидает пришедшего к нему автора повествования, который почувствовал обиду из-за того, что знаменитый подвижник вместо беседы с ним стал разговаривать с посетившим его государственным чиновником. Τί ἄξιον βλάβης εὔρες, ὅτι ἐκεῖνα ἐλογίσω ἄπερ οὔτε ἐμοὶ πρόσεστιν οὔτε σοὶ ἐπρελεν; Ἡ οὐκ οἶδας ὅτι γέγραπται: “Ὁὐ χρεῖαν ἔχουσιν οἱ ὑγιαίνοντες ἰατροῦ ἀλλ’ οἱ κακῶς ἔχοντες;” «Чего ты нашел достойного обиды, что подумал о том, что ни мне не свойственно, ни тебе не приличествует? Или ты не знаешь, что написано: *Не здоровые имеют нужду во враче, но больные?*»

(Лк., 5:31)». (Palladio 1974: 172)¹. Это заимствование из Священного Писания предстает собой дословную цитату.

В другом рассказе, посвященном падшему монаху Птоломею, Палладий, указывая на опасность духовного превозношения, которое овладевает подвижником, когда он отвергает духовное наставничество, подтверждает свою мысль ссылок на книгу Притч: Καὶ αὐτὴ δὲ ἡ συμφορὰ συνέβη Πτολεμαίῳ ἐκ τῆς ἀλόγου οἰήσεως, κατὰ τὸ γεγραμμένον: «Οἷς μὴ ὑπάρχει κυβέρνησις πίπτουσιν ὥσπερ φύλλα» «И это несчастье случилось с Птоломеем из-за неразумного превозношения, согласно сказанному: *Те, которые не имеют руководства, падают, словно листья*» (Притч., 11:14) (Palladio 1974: 142). Данное обращение к Писанию представляет собой дословную цитату, приведенную по тексту Септуагинты.

Некоторые заимствования из Священного Писания получают в Лавсаике интертекстуальную нагрузку. Подобное использование библейского текста имеет место, например, в рассказе о подвижнице Мелании: οὐκ ἐμέρισεν αὐτὴν τῆς πρὸς τὸν Χριστὸν ἀγάπης ὁ τοῦ μονογενοῦ υἱοῦ πόθος «Не отделила ее от любви ко Христу любовь к единственному сыну» (Palladio 1974: 246). Здесь Палладий опирается на фрагмент из послания апостола Павла к Римлянам, где говорится, что никакая сила не способна отлучить человека от Христа («τίς ἡμᾶς χωρίσει ἀπὸ τῆς ἀγάπης τοῦ Χριστοῦ») (Рим., 8:35).

Текст послания к Римлянам изменен Палладием лишь в небольшой степени — замена глагола χωρίζω на глагол μερίζω, использование аориста вместо будущего времени, изменение синтаксической конструкции не влияют на смысл заимствуемой фразы. Включая этот фрагмент в свой текст, Палладий словно начинает говорить словами апостола Павла, и его слова становятся словами автора. В данном примере смыслы заимствованного текста и контекста, в который он помещен, близки друг другу, и библейский текст включен в повествование, чтобы показать, что слова апостола Павла нашли воплощение в жизни подвижницы Мелании.

Однако в «Лавсаике» можно встретить случаи, когда автор помещает библейские слова в иной по смыслу контекст.

¹ Цитаты из «Лавсаика» Палладия Еленопольского приводятся в переводе автора статьи.

Например, в рассказе «Об оклеветанном чтеце», повествуя о женщине, которая должна родить внебрачного ребенка, Палладий пишет: ἐπληρώθησαν αἱ ἡμέραι τοῦ τεκεῖν» «Настало время родов» (Palladio 1974: 286). Исходя из текстуальных совпадений можно выдвинуть предположение, что в этой фразе использован фрагмент из Евангелия от Луки «ἐπλήσθησαν αἱ ἡμέραι τοῦ τεκεῖν αὐτήν» (Лк., 2:6), относящийся рождению младенца Христа Божией Матерью.

Но однозначно определить, являются ли эти слова заимствованием или нет, нельзя, поскольку они общеупотребительны. Однако, учитывая глубокую погруженность Палладия в Священное Писание, можно с определенной долей уверенности утверждать, что он имел в виду именно этот фрагмент Евангелия от Луки, на что и указывается в последнем критическом издании «Лавсаика» (Palladio 1974: 287). В том случае, если этот отрывок является заимствованием, то заимствованием почти буквальным (замена глагола τίμπλημι на глагол πληρόω и отсутствие местоимения не меняют смысла сказанного), однако контекст, в который помещена эта фраза противоположен ей по смыслу.

Итак, если мы последуем за критическим изданием текста Палладия Еленопольского и укажем на данный фрагмент, как на библейское заимствование, то можно сделать вывод, что употребление евангельской цитаты, помещенной в противоположный по смыслу контекст, свидетельствует, что Палладий мыслит словами Священного Писания, как своими, и эти слова в его сочинении вне библейского контекста начинают жить собственной жизнью.

Авторское мышление библейскими словами и категориями наглядно проявляется также в библейских парафразах. Например, в рассказе «О Евлогии и увечном», посвященном тому, как один человек по имени Евлогий взял на свое попечение нищего калеку и стал заботиться о нем, Палладий пишет: Ἐνέγκας οὖν ὄνον ἦρεν αὐτόν, καὶ ἀπήνεγκεν εἰς τὸ ἴδιον ξενίδιον, καὶ ἦν αὐτοῦ ἐπιμελούμενος «Приведя же осла, он поднял его и увез в свое жилище и стал заботиться о нем» (Palladio 1974: 108).

Очевидно, что этот фрагмент является парафразой Лк., 10:34: ἐπιβίβασας δὲ αὐτόν ἐπὶ τὸ ἴδιον κτήνος ἤγαγεν αὐτόν εἰς πανδοχεῖον καὶ ἐπεμελήθη αὐτοῦ «И, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем». Здесь Палладий

возводит ситуацию с Евлогием и увечным к притче о милосердном самарянине, демонстрируя тем самым, что евангельская модель поведения нашла воплощение в герое его повествования.

В своем сочинении Палладий часто строит параллели между библейскими событиями и образами и событиями и образами, содержащимися в его тексте. В таких параллелях Палладий, естественно, прибегает к ссылкам на Священное Писание. Такова, например, ссылка на книгу Исхода в рассказе «О юноше Макарии», где сравниваются совершивший невольное убийство Макарий и Моисей, убивший египтянина. ... οὐκ ἂν Μωσῆς ἠξιοῦτο τῆς θεϊκῆς ὀπτασίας (καὶ τῆς τοσαύτης δωρεᾶς καὶ τῆς συγγραφῆς τῶν ἀγίων λόγων), εἰ μὴ φόβῳ τοῦ Φαραῶ διὰ τὸν φόνον ὃν ἔδρασεν ἐν τῇ Αἰγύπτῳ κατελήφει τὸ ὄρος τὸ Σινᾶ. «...Моисей бы не удостоился божественного откровения (и столь великого дара, и составления Священного Писания), если бы из страха перед Фараоном из-за убийства, которое он совершил в Египте (Исх, 2:12–15), он не ушел бы на Синайскую гору» (Palladio 1947: 64).

Здесь Макарий, который случайно во время игры убил своего сверстника и после этого укрылся в пустыне, предался подвижнической жизни и удостоился божественной благодати сравнивается с пророком Моисеем, который убил египтянина и из страха перед фараоном бежал в землю Мадямскую, где и получил божественные откровения.

В сочинении Палладия обнаруживаются и типологические параллели, в которых персонажи и события Священного Писания становятся прообразами описываемых персонажей и событий. В качестве примера сошлемся на образ подвижника Вениамина, страдавшего водянкой. Οὗτος τοίνυν ὁ τοιοῦτου χαρίσματος καταξιώθεις πρὸ ὀκτῶ μηνῶν τοῦ θανάτου αὐτοῦ ὑδρωπίασε, καὶ ἐπὶ τοσοῦτον ὠγκώθη αὐτοῦ τὸ σῶμα ὡς ἄλλον ἰὼν φαίνεσθαι «Но он, будучи удостоен такого дара, за восемь месяцев до своей смерти заболел водянкой, и его тело настолько распухло, что он казался иным Иовом. (Иов., 2:7)». (Palladio 1974: 54). В этом тексте Вениамин ставится в один ряд с пораженным проказой библейским праведником Иовом, который и является его прообразом.

Другим примером может послужить рассказ о том, как Макарий Александрийский отправился в путешествие, чтобы

посетить гробницу египетских чародеев Ианния и Иамврия и отмечал дорогу стеблями тростника, чтобы не заблудиться на обратном пути, но демон, пока он спал, собрал все эти тростинки и сложил возле его головы. ... Ἀναστὰς οὖν εὗρε τοὺς καλάμους, τάχα καὶ τοῦτο τοῦ θεοῦ συγχωρήσαντος εἰς πλείονα αὐτοῦ γυμνασίαν, ἵνα μὴ καλάμοις ἐπελίζῃ, ἀλλὰ τῷ στύλῳ τῆς νεφέλης τῷ ὁδηγήσαντι τὸν Ἰσραὴλ τεσσαράκοντα ἔτη ἐν τῇ ἐρήμῳ «... Встав, он нашел тростинки, хотя, пожалуй, и это Бог попустил для большего упражнения в подвиге, чтобы он возлагал надежду не на тростинки, а на столп облачный, который сорок лет воедил Израиля по пустыне (Исх., 13:21)». (Palladio 1974: 82).

В этом отрывке можно видеть, как библейская реальность вторгается в текст «Лавсаика», и странствование народа Божия под водительством столпа облачного является прообразом странствования Макария по пустыне, путеводителем которого должен выступить все тот же облачный столп, символ присутствия Божия.

К Священному Писанию Палладий обращается также в тех случаях, когда хочет засвидетельствовать исполнение библейского слова в жизни своих героев. Например, в рассказе «О слепце Дидиме», он пишет: ὃς τοσαύτη χάριτι ἐκεκόσμητο γνῶσεως ὡς καθ' ἱστορίαν πληροῦσθαι ἐπ' αὐτῷ τὸ γεγραμμένον “Κύριος σοφοῦ τυφλοῦς” «Он был настолько украшен благодатью знания, что на нём буквально исполнилось сказанное: *Господь умудряет слепых* (Пс., 145:8)». (Palladio 1974: 26).

В качестве другого примера приведем фрагмент из рассказа «О Павле Простом», когда Павел изгнал беса, превратившегося в дракона. Καὶ παραχρῆμα ἐξῆλθε τὸ πνεῦμα καὶ εἰς δράκοντα μέγαν ἑβδομήκοντα πήχεων μετεβλήθη συρόμενος ἐπὶ τὴν θάλασσαν τὴν ἐρυθράν, ἵνα πληρωθῇ τὸ ῥηθέν. “Ἐτιδεικνυμένην πίστιν ἀπαγγελεῖ δίκαιος” «И тотчас вышел дух и превратился в огромного дракона величиной в семьдесят локтей и уполз в Красное море, чтобы исполнилось сказанное: *Явленную веру возвещает праведный* (Притч., 12:17)» (Palladio 1974: 126). В обоих приведенных случаях заимствования из Священного Писания представляют собой буквальные цитаты из книг Псалмов и Притч по тексту Септуагинты.

Тот факт, что автор «Лавсаика» видит в Священном Писании, с одной стороны, прообразы своих героев, а с другой, словесные пророчества, исполняющиеся в жизни современных ему

подвижников, свидетельствует о том, что он рассматривает историю египетского и палестинского монашества через призму библейского текста и, по сути, считает ее продолжением истории библейской².

Итак, можно выделить несколько вариантов обращения Палладия Еленопольского к Священному Писанию. Он ссылается на библейский авторитет для подтверждения истинности высказываемой мысли, а также пользуется словами и образами Священного Писания как своими. Помимо этого он устанавливает и выстраивает параллели между библейскими образами и образами современных ему аскетов и подвижников, ищет для них библейские прообразы и слова библейских пророчеств, которые исполнились в их жизни.

Таким образом, анализ использования Священного Писания в тексте «Лавсаика» показывает, что его автор мыслил библейскими категориями и моделировал действительность в согласии с образами Священного Писания. Как пишет Д. Крюгер, применительно к сочинению Феодорита Кирского «История боголюбцев», «применение библейских моделей к его (Феодорита — А.Б.) времени постулирует переплетение библейского нарратива и опыта древнего христианства» (Krueger 2004: 26). Эту характеристику в полной мере можно распространить и на «Лавсаик» Палладия Еленопольского.

Литература

- Dom, Cuthbert Butler (ed.). 1898: *The Lausiaca History of Palladius. A Critical Discussion together with Notes on Early Egyptian Monachism*. Cambridge at the University Press.
- Krueger, D. 2004: *Writing and Holiness. The Practice of Authorship in the Early Christian East*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press.
- Lourié, V. M. 2009: *Introduction to the Critical Hagiography*. Sankt-Peterburg: Axioma.
- Лурье, В. М. 2009: *Введение в критическую агиографию*. СПб, Аxioma, 2009.
- Minec, Ju. O. 2010: *Works of Palladius of Helenopolis in the Context of Forming the Ideals of Christian Life: Historical and Social Aspect*. PhD (Philology). Kiev.

² Типологический метод в агиографии на материале «Истории боголюбцев» Феодорита Кирского подробно разбирает в своем исследовании Д. Крюгер (Krueger 2004: 15–32).

- Минец, Ю. О. 2010: *Творчество Палладия Еленопольского в контексте формирования идеалов христианской жизни: историко-социальный аспект*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Киев.
- Palladio, 1974: *La Storia Lausiaca* (Introduzione di Christine Mohrmann, testo critico e commento a cura di G. J. M. Bartelink; traduzione di Marino Barchiesi). Milano, Fondazione Lorenzo Valla.
- Sadykov, P. D. 2022: [Quoting of the Holy Scripture in Hagiographical Works (on the Example of the Life of St. Stephen of Makhreshchi)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija*. 5, 90–97.
- Садыков, П. Д. 2022: Цитирование Священного Писания в агиографических произведениях (на примере жития преп. Стефана Махришского). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 5, 90–97